

005053714

На правах рукописи

Храмов

Храмов Алексей Викторович

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
в XIX в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

25 ОКТ 2012

Саранск 2012

Работа выполнена на кафедре истории Отечества федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Научный руководитель: доктор исторических наук доцент
Богатырев Эдуард Дмитриевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук доцент
Першин Сергей Викторович
(Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, и. о. зав. кафедрой всеобщей истории)
кандидат исторических наук доцент
Морозов Лев Владимирович
(Мордовский гуманитарный институт, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин)

Ведущая организация: ***Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова***

Защита состоится 2 ноября 2012 года в 16⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.04 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» по адресу: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Пролетарская, 63 (учебный корпус № 20), конференц-зал (ауд. 408).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева по адресу: Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Автореферат разослан 27е сентября 2012 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук доцент

Э. Д. Богатырев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. Территориальная система является основой государства и стержневой структурой организации управления. Это особенно характерно для государств, располагающих обширной территорией с разнообразными условиями в регионах. Империи, будучи обширными территориальными системами, разными средствами интегрировали территории, отличающиеся по своему географическому и геополитическому положению, уровню экономического развития, национальному и религиозному составу населения. Подобной империей в XVIII – XIX вв. была и Россия. Ее территориальный рост поставил на повестку дня проблему совершенствования механизмов управления государством, а точнее – проблему осуществления территориальной модернизации. Начиная с Екатерины II, эту проблему последовательно пытались решить все правители России, внося собственный вклад в совершенствование механизмов управления.

В настоящее время проблема территориального устройства России остается одной из наиболее актуальных, свидетельством чего являются непрекращающиеся попытки власти найти оптимальный вариант организации территориальной системы, который обеспечил бы эффективное сопряжение интересов центра и регионов. Прогресс в решении этой проблемы на современном этапе напрямую связан со степенью освоения соответствующего исторического наследия, изучения процесса трансформации территориальной системы управления Российской империи, его направлений, проблем и результатов, чем и обусловлена актуальность данной работы.

В качестве **объекта исследования** выступает территориальная система Российского государства в XIX в.

Предмет исследования – государственная политика в отношении территориального устройства империи, а также механизмы управления, формируемые самодержавием на присоединяемых окраинах и их эволюция.

Хронологические рамки работы охватывают XIX в., в рамках которого происходило формирование территориального комплекса империи, что и потребовало разработки способов интеграции присоединяемых окраин.

Территориальные рамки работы определяются территориальным комплексом российской имперской системы.

Степень изученности темы. Осмысление проблемы пространственной протяженности, неоднородности и оформления Российской империи началось непосредственно в XIX в. Историки С. М. Соловьев и В. О. Ключевский уделили

большое внимание анализу становлению российской имперской системы, исследуя процессы колонизации и развития границ Российской империи¹.

В работах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, в значительной степени и Н. А. Бердяева², а также западных философов истории О. Шпенглера, А. Тойнби³ рассматривали империю как своеобразный результат развития цивилизации.

Дореволюционными исследователями отчетливо осознавалась территориальная специфика России, и проблемы, возникающие в связи с ростом ее масштабов и неоднородности. Механизмы управления империй исследованы в многочисленных работах правоведов. В работах А. Д. Градовского много места уделено проблеме территориального управления – складыванию губернских учреждений, генерал-губернаторствам и наместничествам⁴. Вопросы организации местного управления и формирования власти на местах рассмотрены также в работах В. М. Гессена⁵. Н. И. Лазаревский, Б. Э. Нольде и Н. М. Коркунов не только рассмотрели систему государственного управления, но и проанализировали положение окраин и законодательство, регламентирующее окраинное управление⁶. В. Ивановский основной формой управления окраинными территориями представлял генерал-губернаторскую власть, которая, по его мнению, являлась элементом децентрализации управления на местах⁷. В работе Э. Берендтса была поставлена проблема соотношения центральной власти в лице министерств с властями на местах в лице генерал-губернаторов и наместников⁸.

Помимо общих работ, характеризующих процесс формирования системы управления можно выделить исследовательское направление, посвященное управлению окраинами. Масштабное исследование гражданского управления Закавказья, основанное на обширном документальном материале было опубли-

¹ См.: Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций : в 3 кн. – М., 1993; Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. – М., 1988–1995.

² См.: Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. – М., 2002; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М., 1991; Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. – М., 2000.

³ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. – М., 1998; Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991; Его же. Цивилизация перед судом истории. – М., 2003.

⁴ См.: Градовский А. Д. Начала русского государственного права : 3 т. – СПб., 1875–1883; Его же. Политика, история и администрация. – СПб.; М., 1871.

⁵ См.: Гессен В. М. Вопросы местного управления. – СПб., 1904.

⁶ См.: Лазаревский Н. И. Русское государственное право. – Т. 1. – Пг, 1917; Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. – СПб., 1911; Коркунов Н. М. Русское государственное право. – Т. 1. – СПб., 1893.

⁷ См.: Ивановский В. Административное устройство наших окраин // Ученые записки Казанского университета. – 1891. – Кн. 6. – С. 26–70.

⁸ См.: Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (записка, составленная в декабре 1903 года). – СПб, 1913.

ковано В. Иваненко⁹. Автор высказал и обосновал точку зрения, согласно которой проблемы России на Кавказе были вызваны, как правило, неосмотрительным насаждением имперских учреждений и нежеланием учитывать специфики региона. Положению империи на Кавказе посвящена работа другого дореволюционного автора Н. Ф. Дубровина¹⁰. В его работах рассмотрены как проблемы присоединения Грузии и подписания Георгиевского трактата, так и последовавшие на Кавказе военные действия.

Обширная работа М. Бородкина посвящена истории Финляндии¹¹. По мнению автора, автономия Финляндии в правление Александра II набирала такие объемы, что угрожала России сепаратизмом, а созданные институты власти этому не препятствовали. Анализу финляндского законодательства и административной системы посвящена также монография Э. Н. Берендтса¹². Исследователь не только дал характеристику органам власти, но и рассмотрел их эволюцию, сопригая ее направления с процессом развития автономии великого княжества.

Работа Л. А. Арбузова посвящена истории Прибалтики¹³, насыщена фактическим материалом и, по существу, носит уникальный характер. В работе С. В. Жуковского рассмотрено развитие взаимоотношения между Россией и Средней Азией, предпосылки присоединения этого региона к Российской империи¹⁴.

Таким образом, авторы дореволюционного периода акцентировали внимание на исследовании административно-территориального устройства Российской империи и положении отдельных национальных окраин в ее составе.

Установление советской власти привело к изменению историографической ситуации в отношении интересующей нас проблемы. В советский период формирование территориального комплекса империи и механизмы территориального управления не получили должного изучения. В связи с этим, работы советских авторов представляют интерес прежде всего в контексте изучения общих тем – внутренней политики и государственного управления. Вопросы

⁹ См.: Иваненко В. Гражданское управление Закавказьем. От присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. – Тифлис, 1901.

¹⁰ См.: Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб. 1887. – Т. 5; Его же. Георгий XII – последний царь Грузии и Присоединение ее к России. – СПб., 1897.

¹¹ См.: Бородкин М. История Финляндии. – Т. VI. – СПб., 1908. – 572 с.

¹² См.: Берендтс Э. Н. Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского : в 2 т. – СПб., 1903.

¹³ См.: Арбузов Л. А. Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. – М., 2009.

¹⁴ См.: Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – СПб., 1915.

государственного управления рассматриваются в работах Н. П. Ерошкина¹⁵. В силу специфики советской идеологии, оценки его носят классовый характер, однако используемый им фактологический материал, а также систематизация материала бесспорно сохраняют актуальность.

Несомненный интерес представляет работа С. В. Мироненко, посвященная реформам царствования Александра I¹⁶. Актуальность этой работы с точки зрения исследуемой темы обусловлена разработкой автором проблемы Уставной грамоты Н. Новосильцева, которая, в свою очередь, напрямую связывается им с такими формами территориального управления как наместнический и генерал-губернаторский проект.

Таким образом, в работах советского периода, основывающихся на новых методологических позициях, были даны новые оценки системы имперского управления, прежде всего, в отношении используемых властью механизмов управления национальной периферией. Как правило, реформы системы территориального управления напрямую увязывались с развитием классовой борьбы, борьба с которой считалась одной из главных задач властных структур.

С начала 1990-х гг. начинается новый период в историографии проблемы, который можно назвать современным или постсоветским. Он был обусловлен кризисом марксистской методологии и отказом от идеологического диктата в науке. Активное развитие исторической науки в постсоветский период, использование учеными наработок не только предшествующей отечественной, но и зарубежной историографии, позволили по-новому взглянуть на проблему исследования.

В последние десятилетия появились обобщающие работы, по-новому трактующие проблемы развития империи и ее управления. В данном контексте особый интерес представляют работы А. Б. Каменского, в которых делается попытка изучения Российской империи как целостной системы, изменяющейся под влиянием модернизации¹⁷, а также Б. Н. Миронова, в которых автор рассматривает российскую специфику формирования социально-демографической структуры империи¹⁸. В работах И. В. Бахлова выделяются характеристики им-

¹⁵ См.: **Ерошкин Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983; **Его же.** Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860 гг.). – М., 1985.

¹⁶ См.: **Мироненко С. В.** Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989.

¹⁷ См.: **Каменский А. Б.** Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М., 1999; **Его же.** От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М., 2001.

¹⁸ См.: **Миронов Б. Н.** Социальная история Российской империи : в 2 т. – СПб., 2001; **Его же.** Новое видение истории России XVIII – первой половины XIX века // Вопросы истории. – 2001. – № 11/12. – С. 152–158.

перии, систематизируются основные подходы к ее формированию, концептуализируется модели колонизации¹⁹.

Одной из важнейших историографических тенденций последнего времени стал рост интереса к таким формам территориального управления как генерал-губернаторства и наместничества, получившая отражение в нескольких кандидатских диссертациях, защищенных в последние годы. В работе Г. А. Рассолова институт генерал-губернаторства непосредственно рассматривается именно как институт территориального управления, задача которого скомпенсировать территориальные масштабы империи, приблизив власть на места²⁰. В диссертации К. С. Чернова данный институт изучается в контексте осмысления основных положений Уставной грамоты Н. Новосильцева и ее политического значения²¹. По мнению автора, наместничества и генерал-губернаторства прежде всего являлись средством усиления самодержавной власти. Работа В. Г. Арутюняна посвящена специальному исследованию генерал-губернаторского проекта в правление Александра I, опытам, которые производил в территориальном управлении император, объединив пять губерний под управлением А. Д. Балашова. Исследователь приходит к заключению, что неудача проекта связана только со смертью императора и является в значительной мере случайной²². Диссертации В. А. Кононова и Ц. Ц. Михеевой посвящены исследованию института губернаторства, его эволюции, а также механизмам взаимодействия с центральной администрацией²³.

Следует отметить, что наряду с работами общего плана, в исследованиях с середины 1980-х гг. появилась тенденция анализа национальной политики в территориальном ключе. Свидетельством этого является коллективная монография «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления»²⁴. Проблема политической регионалистики получила свое

¹⁹ См.: Бахлов И. В. Политические механизмы трансформации территориальной системы России. – Саранск, 2009; Его же. Российская империя как территориальная система: специфика политической модернизации. – Саранск, 2010.

²⁰ См.: Рассолов Г. А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи: 1775 г. – конец XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005.

²¹ См.: Чернов К. С. «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» (к вопросу о российском конституционализме) : авторсф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007.

²² См.: Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства при Александре I : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008.

²³ См.: Кононов В. А. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг. (на материалах Смоленской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. – Смоленск, 2005; Михеева Ц. Ц. Эволюция института губернаторства в Российской империи : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

²⁴ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. – М., 1998

выражение в работах сибирских историков А. В. Ремнева²⁵ и Л. Дамешека²⁶. Они рассмотрели административную политику самодержавия через призму административно-территориального устройства, развития законодательства, формирования институтов власти, деятельности генерал-губернаторов и др. Представляют интерес также работы С. Киняпиной, М. Блиева и С. Дегоева, посвященные Кавказу и Средней Азии²⁷.

Таким образом, несмотря на то, что отдельные аспекты интересующей нас проблемы представлены в дореволюционных и современных исторических исследованиях, до сих пор нет обобщающей работы по данному направлению.

Цель исследования. Целью работы является анализ развития системы территориального управления Российской империи и формируемых механизмов инкорпорации окраин в тело империи. В соответствии с поставленной целью решаются следующие исследовательские задачи:

- исследовать проблему территориального роста Российского государства, его трансформацию в империю и влияния увеличения территориальных масштабов на изменение характера управления;
- проанализировать складывание контуров территориального управления в правление Александра I, и факторы, влияющие на этот процесс;
- исследовать используемые методы управления окраинами и направления их эволюции;
- выделить общее и особенное в подходах к принципам территориального управления в правления отдельных императоров.

Источниковая база работы. Специфика темы исследования, носящего обобщающий и аналитический характер, делает возможным использование опубликованных источников, которые, с известной долей условности, можно разделить на несколько групп: законодательные акты, регламентирующие процесс административно-территориального управления, законодательные акты, регулирующие окраинное управление; внешнеполитические документы; проекты преобразований, относящиеся к территориальному устройству страны; а также воспоминания государственных и политических деятелей XIX в., в своих

²⁵ См.: Ремнев А. В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков : дис. ... д-ра ист. наук. – Омск, 1997; Его же. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). – М., 1997. – С. 52–66.

²⁶ См.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). – Иркутск, 1986.

²⁷ См.: Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. XVIII в. – 80-е годы XIX в. – М., 1984; Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. – М., 1994.

публикациях оставивших информацию о направлениях территориального устройства и обоснования этого процесса. Также нами были использованы материалы, опубликованные в сборниках документах.

Среди многочисленных законодательных актов, регламентировавших территориальное устройства Российской империи, и составивших первую группу источников, важнейшими являются: Наставления губернаторам 1764 г., Наказ Екатерины II Уложенной комиссии 1767 г., Учреждения для управления губерниями 1775 г., Общее учреждение министерств, Наказ гражданским губернаторам 1837 г., Общая инструкция генерал-губернаторам 1853 г.²⁸

К законодательным актам второй группы, регламентирующим управление окраинами, относятся: Конституционная хартия Царства Польского 1815 г., Устав образования Бессарабской области 1818 г., Учреждение для управления сибирских губерний 1821–1822 гг., Учреждение для управления Бессарабской области 1828 г., Манифест о новом порядке управления и образования Царства Польского 1832 г.; Учреждение для управления Закавказским краем 1841 г., Свод местных узаконений губерний остзейских 1845 г., О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края 1867 г., Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского, Положение о Главном Управлении наместника Кавказского 1867 г., Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. и др.²⁹ Данными законодательными актами определяются действующий на окраинах порядок управления, органы власти и их полномочия.

Следующая, третья, группа документов носит внешнеполитический характер и связана с присоединением к России новых территорий. За XIX в. таких документов накопилось очень много. Ключевыми из них являются Конвенции о разделах Польши 1772, 1793 и 1795 гг., Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России (Георгиевский трактат) 1783 г., Манифест «О покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» 1808 г., Манифест «О присоедине-

²⁸ См., например: Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. – СПб., 1907; Общее учреждение министерств // Российское законодательство X – XX вв. : в 9 т. – Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. – М., 1988. – С. 92–134; Наказ гражданским губернаторам. 1837 г. // ПСЗ РИ-П. – Т. 12. – СПб., 1838. – С. 361–439; Общая инструкция генерал-губернаторам. 1853 г. // ПСЗ РИ-П. – Т. 28. – СПб., 1854. – С. 260–264 и др.

²⁹ См., например: Устав образования Бессарабской области // ПСЗ РИ-1. – Т. 35. – СПб., 1830. – С. 222–281; Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ-1. – Т. 38. – СПб., 1830. – С. 345–394; Учреждение для управления Бессарабской области // ПСЗ РИ-П. – Т. 3. – СПб., 1830. – С. 197–203; Учреждение для управления Закавказским краем // ПСЗ РИ-1. – Т. 15. – СПб., 1841. – С. 237–261; Свод местных узаконений губерний остзейских, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – Ч. 1. – СПб., 1845; О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края // ПСЗ РИ-П. – Т. 52. – СПб., 1866. – С. 382–386 и др.

нии герцогства Варшавского» 1815 г., Бухарестский, Туркманчайский и Адрианопольский мирные договоры, регламентировавшие территориальные приобретения империи в ходе военных действий, многочисленные договора, заключенные с владетелями и ханами Закавказья, на основании которых их ханства вступали под управление империи³⁰.

Четвертую группу документов составили политические проекты реформирования системы территориального управления и их характеристики. Подавляющее большинство из них принадлежит эпохе Александра I, когда выстраивались системы государственного и территориального управления, определялись контуры отношений с окраинами, выбиралась модель организации власти в центре и на местах и форма их взаимодействия. К ним относятся: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского; Государственная уставная грамота Российской империи Н. Н. Новосильцева, где получил отражение наместнический проект; Журналы Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г., в которых была дана оценка реализации в России генерал-губернаторского проекта³¹. В работе Н. В. Калачова был опубликован обширный документальный материал, касающийся проектов территориального устройства империи и принадлежащий перу тех деятелей, которые как-то влияли на судьбу этих проектов, в том числе М. М. Сперанского, А. Д. Балашова, Д. А. Гурьева и др.³²

Дневники и воспоминания государственных деятелей, в которых нашли отражения те или иные стороны территориального управления, составили шестую группу источников. Среди этого круга источников были использованы: «Беседы и частная переписка между императором Александром I и кн. Адамом Чарторижским»³³, в которых нашли свое отражение проблемы государственного управления Россией, а также польский вопрос. Записки А. П. Ермолова рассказывают о первых десятилетиях укрепления России на Кавказе, деятельности россий-

³⁰ См., например: Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России (Георгиевский трактат) // Под стягом России: сб. архивных документов. – М., 1992. – С. 238–247; Манифест «О покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» // ПСЗ РИ-I. – Т. 30. – СПб., 1830. – С. 146; Манифест «О присоединении герцогства Варшавского» // ПСЗ РИ-I. – Т. 33. – СПб., 1830. – С. 117–118 и др.

³¹ См.: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. Введение к уложению государственных законов 1809 г. – М., 1905; Журналы Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. – 1891. – Т. 74 и др.

³² См.: Калачов Н. В. Разбор сочинения г. Андреевского «О воеводах, наместниках и губернаторах», составленный по поручению Императорской академии наук. – СПб., 1867.

³³ См.: Беседы и частная переписка между императором Александром I и кн. Адамом Чарторижским. – М., 1912.

ских властей и отношениях с местным населением³⁴. Большой интерес представляют воспоминания В. Ф. Вигеля, занимавшего должность Бессарабского вице-губернатора и оставившего интереснейшие свидетельства о формировании имперской политики в отношении этого региона и постепенной ликвидации его автономии³⁵. В воспоминаниях автор дает также оценки личности М. С. Воронцова, который в описываемый период являлся наместником Новороссии, а затем стал кавказским наместником. В мемуарах Д. А. Милютин освещается широкий круг проблем, связанный с устройством территориального управления, поскольку сам граф отдал много лет службе на Кавказе, по должности военного министра был хорошо знаком с ситуацией на окраинах страны, в том числе в Финляндии и Польше. Его брат, Н. А. Милютин, проводил реформы, направленные на русификацию Польши после подавления восстания 1863 г., что также получило освещение в книге³⁶. В дневниках П. А. Валуева, занимавшего высокие посты министра внутренних дел, министра государственных имуществ, а также возглавлявшего Комитет министров, были освещены и получили оценку события последних десятилетий XIX в.³⁷

Много интересного содержат также воспоминания С. Ю. Витте, где он, будучи уроженцем Тифлиса, и хорошо знакомый с ситуацией на Кавказе, дает оценки кавказской политике империи. В работе использован также отчет генерал-губернатора Туркестанского края К. П. Кауфмана о его деятельности в этом регионе, задачах, которые он решал в процессе управления азиатской окраиной империи и специфики администрирования этим регионом³⁸.

Нами были использованы также сборники опубликованных документов, характеризующие отдельные стороны исследовательской проблемы. Наиболее масштабным и содержательным из них являются материалы кавказской археографической комиссии. Документы, опубликованные в двенадцати томах, сгруппированы по наместникам края и содержат самый разнообразный материал, касающийся управления Россией этим регионом³⁹. Широкий фактический материал был опубликован после смерти историка В. С. Дякина его учениками, куда вошли, в частности, выписки из документов, характеризующих национальную политику самодержавия во второй половине XIX в. в различных ре-

³⁴ См.: Записки Алексея Петровича Ермолова. – Ч. 1–2. – М., 1865–1868.

³⁵ См.: Вигель В. Ф. Воспоминания : в 7 т. – М., 1864–1865.

³⁶ См.: Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. – М., 1999.

³⁷ См.: Валуев П. А. Дневник. 1877–1884. – Пг, 1919.

³⁸ См.: Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. – СПб., 1885.

³⁹ См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. – Тифлис, 1866–1904.

гионах – Польше, Прибалтике, Туркестане, на Кавказе⁴⁰. Несмотря на то, что национальная политика не всегда позволяет охарактеризовать управление территориями, во многих случаях она все же коррелируется с этой проблемой. Еще один сборник документов характеризует политику империи по отношению к мусульманству, что позволяет использовать их при рассмотрении деятельности самодержавия на Кавказе и в Туркестане⁴¹. Ряд сборников носит региональную окраску. В частности, нами были использованы документальные подборки, касающиеся Азербайджана, Казахстана и Финляндии⁴². Одной из недавних документальных публикаций стал сборник, характеризующий национальную политику империи. Авторы разместили в нем широкий круг законодательных актов и дипломатических документов, характеризующих процесс присоединения к России окраин, и складывание там различных форм управления⁴³.

Приведенный анализ источников позволяет говорить о наличии необходимого документального материала, позволяющего охарактеризовать исследуемую тему.

Методология и методы исследования. В основу диссертационной работы положен принцип историзма, предполагающей анализ явлений на основе взаимной зависимости и причинно-следственной связи. В силу этого материал организован в соответствии с проблемно-хронологическим принципом.

Поскольку объект исследования представляет собой целостную сложноорганизованную систему, закономерным при ее изучении стало применение системного анализа.

Заявленная тема предполагает также использование модернизационного подхода, в соответствии с которым территориальный рост империи рассматривается через призму осуществления модернизации российского общества, преодоления его отсталости от европейских стран, формирования новых механизмов государственного управления, способных решать более сложные задачи развития. Был применен и геополитический подход, при котором основное внимание уделяется изучению и анализу внутренних и внешних факторов существования системы или условий протекания политического процесса.

⁴⁰ См.: Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб., 1998.

⁴¹ См.: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М., 2001.

⁴² См.: Колониальная политика русского царизма в Азербайджане в 20 – 60-х годах XIX в. Ч. I. Феодалные отношения и колониальный режим. 1827–1843 гг. – М.; Л., 1936; Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. – Алма-Ата. 1960; Шилиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. – СПб., 1903.

⁴³ См.: Национальная политика в императорской России: Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / сост. Ю. И. Семенов. – М., 1997.

Апелляция к пространственной протяженности империи, ее географическому, национальному и религиозному разнообразию делает необходимым использование цивилизационного подхода. Специфика темы исследования требовала также применения институционального подхода, что связано с необходимостью изучения системы управления и степени эффективности используемых в разных случаях механизмов.

Методический инструментарий исследования представлен как общенаучными (анализ и синтез), так и специальными историческими (сравнительно-исторический, историко-генетический и историко-системный) методами.

Научная новизна диссертации заключается в исследовании проблемы развития властных институтов и механизмов территориального управления Российской империей в XIX в. как важного направления государственной политики в русле модернизации традиционной империи. Автором выделены этапы в развитии имперской системы территориального управления, определяемые условиями объективного (события внутренней и внешней политики) и субъективного (личности отдельных императоров) характера; показан системный характер территориального управления империей, предполагающего не только разнообразие конкретных административных механизмов в отношении отдельных регионов, но и учет идеологии территориального роста империи; исследованы официальные и альтернативные политические проекты модернизации территориального управления с учетом социально-политических последствий их реализации или нереализации.

Практическая значимость работы. Материалы работы могут использоваться при разработке специализированных курсов для студентов историко-политологических специальностей. Выводы диссертации могут быть использованы органами государственной власти при разработке механизмов территориального управления.

На защиту выносятся следующие основные положения исследования:

1. Для формирования территориального комплекса Российской империи стали характерны следующие черты: применение военной силы как на этапе экспансии, так и для подавления сопротивления населения; сохранение оппозиционных настроений среди жителей присоединенных территорий; слабость переселенческого движения на новые территории, и, как следствие, медленные темпы их интеграции в структуру Российского государства.

2. Создание наместнической системы самым непосредственным образом обусловлено спецификой российского территориального комплекса: размерами территории страны, удаленностью губерний от центра, не досягаемостью для центральных органов управления. Эти обстоятельства делали наместничества

единственно возможным способом обеспечить эффективность управления, при условии назначения достойных наместников.

3. В ходе преобразований первой четверти XIX в. проявились противоречия между центральным и ведомственным управлением, основными элементами которых являлись министерства и наместничества. Министерства, обеспечивая общее руководство, демонстрировали неэффективность при управлении территориями, а наместники, располагая значительными полномочиями, добились результатов на местах, но при этом конкурировали с министерствами и создавали угрозу узурпации власти.

4. Значительные различия, которыми обладали приобретенные Российской империей в первой четверти XIX в. территории (географическая удаленность, интересы военной безопасности, особый образ жизни народов) делали невозможным обычное управление и обусловили формирование самых разных форм автономии в рамках империи. При этом автономия могла носить как административный, так и политический характер.

5. В период правления Николая I происходит постепенное изменение характера административных и политических автономий на территории империи. Если в первой четверти XIX в. предоставление особых полномочий было связано с сохранением традиционных порядков управления, то во второй четверти XIX в. особые полномочия и колоссальная власть предоставлялись отдельным ставленникам императора – генерал-губернаторам и наместникам, которые по собственному усмотрению осуществляли управление окраинами.

6. В XIX в. принципы окраинного управления заключались в том, что менее развитые территории (Кавказ, Молдавия), империя считала вправе унифицировать и интегрировать, а за более развитыми (Финляндия, Польша, и отчасти Прибалтика) – признавала право на сохранение своего образа жизни. Однако даже эти принципы, при всей своей непоследовательности и противоречивости, не были конвертированы в политику. В результате в Финляндии, проводившей политику неуклонного сепаратизма, но без использования форм открытой борьбы, сохраняли автономию, а в Польше, сопротивлявшейся власти империи, насаждали русификацию.

7. На протяжении XIX столетия империя оказалась не способна выработать долговременные, стабильные формы автономии, позволявшие бы эффективно интегрировать окраины. Курс на последовательное упразднение местных форм управления, насильственная русификация, спровоцировали в условиях развивающихся капиталистических отношений национальный кризис и развитие центробежных тенденций. Неспособность правительства интегрировать окраины стала причиной кризиса империи и ее развала в революционные годы.

Апробация. По результатам исследования было опубликовано 6 научных работ, в том числе 2 статьи в журналах, рекомендованных ВАК. Разные аспекты диссертационного исследования нашли отражение в выступлениях на всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях. Отдельные положения работы апробировались в ходе участия в выполнении исследовательских проектов: «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)», 2009 – 2011 гг., в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (проект 2.1.3/1134); «Динамика центрально-периферийной конфигурации современной России и оптимизация политических механизмов территориального управления», 2010–2012 гг., в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (проект 14.740.11.0239).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, состоящих из семи параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность работы, обозначены объект и предмет исследования, определены хронологические и территориальные рамки, раскрыта степень изученности темы, сформулированы цели и задачи исследования, охарактеризована его источниковая база, очерчена методология, изложены положения, выносимые на защиту, обозначена научная новизна и практическая значимость, приведены сведения об апробации работы, определена ее структура.

Первая глава **«Территориальный рост Российской империи и его влияние на изменение механизмов управления в первой четверти XIX в.»**.

Параграф первый **«Формирование Российской империи как политико-территориальной системы»**.

Формирование имперской системы предполагает складывание следующих компонентов: имперского территориального комплекса, имперской идеологии, имперских институтов и механизмов взаимодействия центра и периферии. Основу имперской системы во многом определяет территориальный комплекс, характеризующийся способностью к расширению. Пространственный рост Московского государства происходил двумя основными способами. В допетровский период – преимущественно в форме внутренней колонизации и вынужденных войн, а в послепетровский – преимущественно в форме экспансии. Переход от одного способа расширения территории к другому как раз и знаменует собой переход от царства к империи.

Оформление территориального комплекса Российского государства началось в доимперский период. К концу XVI в. Россия уже имела опыт присоединения и колонизации обширных территорий Поволжско-Приуральской зоны, Сибири, Левобережной Украины. Наряду с военной экспансией, накапливался опыт организации переселенческого потока, сотрудничества с местными элитами, их кооптации в российское дворянство, сохранения различных форм самоуправления, предоставления широкой автономии при постепенной социокультурной ассимиляции и интеграции регионов и населения в состав государства. Опыт интеграции присоединенных территорий в состав государства был использован Россией в ходе имперской экспансии.

Имперский период истории России может быть разделен на два этапа: XVIII в. – этап организационного оформления традиционной империи, в ходе которого резко расширились ее границы и выросла военно-политическая мощь. XIX в. стал этапом трансформации традиционной империи в колониальную. Характер экспансии на протяжении имперского периода не оставался неизменным, что оказывало воздействие на колонизационные процессы на вновь присоединенные территории.

В XIX в. в состав Российской империи были включены территории, существенно отличавшиеся от доминирующего культурного типа. Расширение границ происходило стихийно, в процессе складывания обстоятельств, благоприятствующих включению новых территорий.

Характер освоения присоединенных территорий, отношение правительства к местному населению и его правящей элите, уровень зависимости от имперского центра позволяет выделить определенные модели колонизации: 1) прибалтийско-финскую; 2) малороссийскую; 3) польскую; 4) крымскую; 5) кавказскую; 6) бухаро-хивинскую; 7) степную.

Для формирования территориального комплекса Российской империи стали характерны следующие черты: применение военной силы как на этапе экспансии, так и для подавления сопротивления населения; сохранение оппозиционных настроений среди жителей присоединенных территорий; слабость переселенческого движения на новые территории, и, как следствие, медленные темпы их интеграции в структуру Российского государства.

Параграф второй *«Территориальный рост Российской империи к началу XIX в. и проблемы управления»*. К концу XVIII в. перед Россией отчетливо встала проблема совершенствования механизмов управления. Екатерина II отказалась от сосредоточения всей силы государственного управления в центре, выразив стремление укрепить власть на местах. Императрица пошла по пути

разукрупнения губерний, постепенно увеличивая их число 50. Губернские учреждения 1775 г. были направлены на децентрализацию власти. Коллегии, сосредоточенные прежде в Петербурге, децентрализовались и под именем палат были перенесены на места. Если административно-территориальное деление предполагало разукрупнение губерний, то фактически, как единицы управления, они были укрупнены. В 1781 г. из 40 губерний было составлено только 20 наместничеств. Наиболее характерными чертами генерал-губернаторского правления при Екатерине II стали чрезвычайная власть, отсутствие законодательного ограничения полномочий, выдающийся личный состав наместнического корпуса. Императрица решала проблему не на системной, а на персональной основе.

Феномен наместнической системы самым непосредственным образом связан со спецификой российского территориального комплекса: размерами территории страны, удаленностью губерний от центра, не досягаемостью для центральных органов управления. Эти обстоятельства делали наместничества единственно возможным способом обеспечить эффективность управления, при условии назначения достойных наместников.

Павел I, действуя вопреки своей матери, разрушил созданный ей механизм. Поскольку это разрушение не сопровождалось становлением альтернативных механизмов, деятельность Павла спровоцировала кризис управления и потребовала осуществления преобразований, но уже на системной основе, что и было сделано в правление Александра I.

Параграф третий *«Реформы управления в контексте территориального роста в правление Александра I: министерская реформа и наместнический проект»*. Правление Александра I с реформ государственного управления, начатых в 1802 г. уже в рамках деятельности Негласного Комитета. Создавая министерскую систему, император стремился получить эффективный инструмент центрального управления. Одновременно, он хотел построить механизм управления государством в соответствии с популярными политическими теориями запада, заложив в нее принципы законного управления, разделения властей, создания представительных органов управления.

Проведенная реформа, даже учетом с корректировок, внесенных М. М. Сперанским, продемонстрировала невозможность реализации одновременно этих противоречивых целей. Несовершенство центрального управления и его неспособность обеспечить эффективное управление на местах, обусловили поиск эффективных форм управления территориями. Александр I не нашел ничего лучшего, как вернуться к наместнической системе. Наместничества представляли собой гигантские административно-территориальные образования, вклю-

чавшие в себя от трех до пяти губерний. Размер губерний не являлся принципиальным, а был обусловлен кадровым кризисом – не возможностью подобрать необходимого количества чиновников для всех губерний страны. Уже в правление Александра I выявилось вопиющее противоречие между наместнической и министерскими системами, конкурирующими за приоритетные властные полномочия. Многочисленные попытки соединения этих двух систем подтвердили свою полную несостоятельность, что привело к кризису управления.

Параграф четвертый *«Политика центральной власти по отношению к периферии»*. В правление Александра I тенденции территориального роста в развитии государственности стали доминирующими. В ходе территориальных приобретений первой четверти XIX в. административно-территориальная система обогатилась целым набором особых режимов взаимодействия с окраинами. Причинами этого являлись различные факты: географическая удаленность, интересы военной безопасности, особый образ жизни народов, делавший невозможным обычное управление.

Эти факторы обусловили формирование самых разных форм автономии в рамках империи. Автономия могла носить как административный, так и политический характер. В одних случаях эта автономия оформлялась законодательными актами, в других нет. Вопросы автономии включали в частности: сохранение прежних правителей и их власти, сохранение прежних форм административных и судебных учреждений, а также сохранение местных правовых форм, особенно в сфере гражданского права. Практически везде автономия предполагала сохранение местного языка в сфере суда и делопроизводства.

К административным автономиям можно отнести Прибалтику, Бессарабию, а также присоединенные в различные периоды феодальные ханства, небольшие царства и княжества Кавказа, федерации или объединения так называемых «вольных» сельских обществ. В одних случаях эти автономии были более устойчивы (Прибалтика). В других (Бессарабия) сразу наметился тренд на их инкорпорацию в империю.

Правление Александра I ознаменовалось появлением новых форм политической автономии, каковыми стали Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Автономия Финляндии не имела аналогов в Российской империи. Она включала собственное центральное правительство, сейм, собственное законодательство, гражданство, таможенную границу и финансовую систему, хотя законодательного закрепления автономного статуса Финляндии так и не состоялось.

Политическое самоуправление Польши, напротив, было закреплено в конституции, Вместе с автономией конституция Царства Польского провозглашала его неразрывную политическую и династическую связь с Россией.

Особый режим управления сформировался в Сибири объективно, в силу удаления данного региона от имперского центра. В 1801 г. в Сибири было восстановлено генерал-губернаторское правление, введенное Екатериной II и отмененное Павлом I. Генерал-губернатор получил специальную, довольно странную инструкцию, которая предоставляла ему широкие властные полномочия. Сибирские реформы М. М. Сперанского знаменовали собой готовность правительства использовать автономные формы управления не только там, где это было продиктовано этническим разнообразием, но и там где действовали другие факторы, в данном случае – значительная удаленность от центра.

Таким образом, поливариантность государственной инфраструктуры России накладывала свой отпечаток и придавала специфический облик административному устройству ее окраин. В то же время действовала как общая закономерность тенденция централизации и политической интеграции, которая постепенно нивелировала местные особенности и способствовала формированию единой политико-административной системы. Однако этот процесс не был однообразным, единовременным и протекал с неодинаковой степенью интенсивности.

Глава вторая «Трансформация системы управления империей со второй четверти XIX века».

Параграф первый *«Направления развития территориальной системы управления империей в правление Николая I»*. В правление Николая I определились новые тенденции в развитии территориального управления империей. Основной единицей административно-территориального деления была признана губерния. Генерал-губернаторства и наместничества стали инструментом окраинного и особого управления. Попытки разделения страны на наместничества были признаны не состоятельными.

Важнейшей тенденцией в территориальной модернизации Российской империи можно считать постепенное изменение характера административных и политических автономий на территории империи. Если в первой четверти XIX в. предоставление особых полномочий было связано с сохранением традиционных порядков управления, то в правление Николая I особые полномочия и колоссальная власть предоставлялись отдельным ставленникам императора – генерал-губернаторам и наместникам, которые по собственному усмотрению осуществляли управление окраинами.

Поскольку территории, входившие в состав наместничеств, очевидно, не вписывались в рамки общемперской системы управления, власти, отказывая им в сохранении традиционных институтов, были вынуждены компенсировать это усилением власти наместников, которые решали возникающие коллизии по своему усмотрению.

Однако, приобретая благодаря административной централизации мобилизационные ресурсы, империя утрачивала поливалентность своих властных структур. А унификация административных практик вела к игнорированию местных элементов, полностью ассимилировать которые империи все равно бы не удалось. Это приводило к росту противодействия имперской политике на местах. Заимствуя административные практики централизованного, а впоследствии – национального государства, империя как бы утрачивала «имперскость», если под последней понимать гетерогенность ее политико-административного пространства, способного включать в себя максимально разнообразные уклады и интересы.

Параграф второй *«Решение проблемы управления территориальной системой империи в правление Александра II»*. В правление Александра II в управлении территориями продолжился курс на сокращение территорий с особым режимом управления и ограничение наместнического управления, что было обусловлено курсом на унификацию управления империей. Сохранение генерал-губернаторств и их дальнейшее распространение на завоеванные территории Средней Азии, введение этой должности в городах центра России в связи с ростом революционного движения, свидетельствуют о том, что она рассматривалась властями в качестве инструмента окраинного и чрезвычайного положения.

В отношении Сибири проводилась дифференцированная политика. На фоне распространения общегубернских норм, продолжалось выделение территорий, обладающих особым статусом.

Реформы эпохи Александра II имели на Кавказе противоречивые последствия. С одной стороны, как и в империи в целом, шел процесс постепенной унификации системы управления в соответствии с общегубернской системой. С другой стороны, в силу личностной окраски должности наместника, сохранялись его особые полномочия, равно как и система военно-народного управления, которая продолжала доминировать в управлении горскими народами.

На западных окраинах России ситуация складывалась совершенно по-другому. Проводимая империей политика позволяет предположить, что в отношении них у самодержавия не было точного видения перспективы. Несмотря на то, что император стремился видеть западные окраины неразрывными частями империи, проводимая там политика этого не подтверждала, о чем свиде-

тельствуют многочисленные реформы управления ими, не всегда удачно основанные на сочетании элементов самоуправления и централизованного управления.

Правление Александра II ознаменовалось не только подтверждением, но и существенным расширением автономии Финляндии. Следует особенно подчеркнуть, что эти шаги представляли собой не столько инициативу императора, сколько его реакцию на активность финских управленческих кругов, ведущих активную политику в направлении увеличения обособления Великого княжества Финляндии от империи.

Император был готов обеспечить расширение автономии Царства Польского, что не состоялось только в силу нового витка напряженности в этом регионе, повлекшим за собой ограничение польской автономии.

В целом же среди наиболее заметных тенденций Политики Александра II стало стремление к сокращению особых форм управления, сохранение личных форм управления на Кавказе и в Средней Азии; использование генерал-губернаторств как инструмента борьбы с революционным движением. По отношению к национальным окраинам преобладало стремление правительства к русификации и насаждению губернского управления. Эта политика сочеталась с неопределенностью в отношении Финляндии, которая последовательно расширяла свою автономию, и репрессиями в отношении Польши. Тем самым наметилась неспособность империи интегрировать окраины на фоне стремления к унификации.

Третий параграф *«Особенности развития территориального управления в правление Александра III»*. К концу XIX в. территориальное строительство Российской империи было в основном завершено. Империя строилась на принципе единства и неделимости. Альтернативные методы управления (различные формы автономии, военно-народное управление, особые формы организации власти) рассматривались правительством как временные и неуклонно сокращались.

В период правления Александра III продолжилась политика, направленная на унификацию управления, которая, в отличие от предшествующих десятилетий, сопровождалась активизацией русификации. Получила развитие такая форма территориального управления как области под управлением военного ведомства. Эти области представляли собой административно-территориальные единицы, соответствующие губерниям, но управлявшиеся администрацией, подчиненной военному министру.

Важные изменения произошли в управлении Сибирью. Несмотря на то, что на ее территории сохранились области особого управления, налицо был процесс распространения на Сибирь губернских учреждений. Изменились ад-

министративные границы Сибири, что было связано не только с организацией административного пространства, но и со степенью власти местной администрации, развитием коммуникаций, сохранением генерал-губернаторской власти, степени интегрированности различных районов Сибири в общероссийскую социально-экономическую структуру.

В правление Александра III важнейшие изменения произошли в управлении Кавказом. С ликвидацией наместничества была ликвидирована система личного управления, построенная на чрезвычайной децентрализации власти и широчайших полномочиях наместника, что отражало общую тенденцию к унификации управления на всей территории империи.

Те же тенденции, что и в управлении другими окраинами, были реализованы в управлении Туркестанским краем. Была зафиксирована четкая система подчинения областного правления военному губернатору, а последнего – генерал-губернатору, что оправдывалось общеперской и местной практикой. Управление Туркестаном в последние десятилетия XIX в., хотя и соответствовало тенденции к унификации и русификации, в наибольшей степени сохраняло специфику управления, что было обусловлено, в частности, наименьшим сроком пребывания этой окраины в составе Российской империи.

Империя оказалась неспособна выработать долговременные, стабильные формы автономии, позволявшие сохранять в ее границах окраины, не допуская крайностей. К началу XX в. правительством начала осуществляться насильственная русификация, спровоцировавшая национальный кризис, стремления к сепаратизму и центробежные тенденции на окраинах.

В «Заключении» изложены основные выводы, сделанные по результатам исследования. В условиях оформления территориального комплекса Российской империи правительством были использованы различные формы децентрализации власти, политической и административной автономии. В течение столетия эти формы обусловили удержание в границах империи завоеванных окраин, когда лояльность населения обуславливалась именно гибкостью власти. Стремление самодержавия к централизации власти повлекла постепенный отказ от режима территориальных автономий. Постепенно особые формы администрирования замещались либо общеперским, либо упрощенным военным управлением, под контролем офицеров. Стремление к унификации и централизации власти стало причиной отказа от разработки правительством политики окраинного управления, что обусловило утрату системой гибкости, характерную для эпохи покорения.

***Основные положения диссертационного исследования
изложены в следующих публикациях автора:***

*Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК Минобрнауки РФ*

1. **Храмов, А. В.** От традиционной Российской империи к модернизированной / А. В. Храмов // Федерализм. – 2011. – № 4. – С. 205–210 (0,32 п. л.).

2. **Храмов, А. В.** Территориальный рост Российской империи и его влияние на изменение механизмов управления в первой четверти XIX в./ А. В. Храмов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – № 2. – С. 24–30 (0,49 п. л.).

Публикации в прочих научных изданиях

1. **Храмов, А. В.** Федеральный проект Н. Я. Данилевского / И. В. Бахлов, А. В. Храмов // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика : материалы межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. VIII. – Саранск, 2008. С. 137–140 (0,3 п. л. / 0,15 п. л.).

2. **Храмов, А. В.** Анархистское направление в отечественной федеративной мысли / И. В. Бахлов, А. В. Храмов // Политико-правовые системы России, стран Европы и Северной Америки: сравнительные исследования : межвуз. сб. науч. статей. – Саранск, 2008. – С. 268–272 (0,33 п. л.).

3. **Храмов, А. В.** Модели политико-территориального устройства Российской империи конца (VIII – XX вв.): на примере проектов М. М. Сперанского и Н. Н. Новосельцева / А. В. Храмов / Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011. – № 4 (16). – С. 38–42 (0,42 п. л.).

4. **Храмов, А. В.** Реформирование системы территориального управления Российской империи в политических проектах декабристов Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля / А. В. Храмов // «Славься, Отечество!» : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Саранск, 2012. – С. 204–210 (0,46 п. л.).

Всего по теме диссертации опубликованы 6 статей общим объемом 2,17 п. л.

Подписано в печать 27.09.12. Объем 1,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 1217.
Типография Издательства Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24